

УДК 316.42: 94(470)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПО СТРАНИЦАМ ПАРТИЙНОЙ ПЕЧАТИ

Булыгина Т.А.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1), e-mail: info@ncfu.ru

---

Автор обращается к проблеме интеллектуальной жизни советского общества после смерти Сталина. Общественная мысль и гуманитаристика должны были реагировать на изменения в политическом контексте. Используя материалы периодической печати, автор анализирует состояние общественного сознания. Отмечается растерянность обществоведов в условиях прекращения потока идеологических установок, которые поступали от партийно-государственного руководства. Одни продолжали следовать сталинским установкам, другие стали корректировать свои взгляды. Власть перед обществоведами ставила новые задачи по отражению советской действительности. При этом главные положения советской идеологии, разработанные в 1930–1940-е гг., остались неприкосновенны.

Ключевые слова: общественное сознание, идеология, периодическая печать, обществоведение

POLITICAL CHANGES AND SOCIAL CONSCIOUSNESS IN SOVIET SOCIETY: THROUGH PAGES OF COMMUNIST PARTY PRESS

Bulygina T.A.

¹North Caucasus Federal University, (355029, Stavropol, Pushkin street, 1) e-mail: info@ncfu.ru

---

The author studies the issue of the intellectual life of Soviet society after Stalin's death. Social thought and humanities had to respond to changes in the political context. Using materials of the periodical press, the author analyzes the state of the public consciousness. There was confusion of social scientists without ideological attitudes that came from the party and state leadership. Some continued to follow the Stalinist, others began to adjust their views. The state allotted new tasks to the social scientists. They had to reflect changes in the Soviet reality. At the same time the main provisions of Soviet ideology, developed in 1930–1940 remained inviolable.

Keywords: social conscience, ideology, printed media, social science

Противоречивые события советской истории после смерти Сталина так или иначе отразились на интеллектуальной жизни общества. Наиболее зримо это прослеживается в общем образе и способах существования гуманитарных наук. Советская гуманитаристика, как и общественная мысль в целом, в хрущевское десятилетие имеет свою внутреннюю историю, хотя и связанную с историей советского общества, но несколько отличную от других социальных процессов. Речь идет и о скорости изменений, и о специфической природе этого процесса.

С одной стороны, общественные науки как идеологический инструмент должны были первыми улавливать перемены в политическом курсе и в соответствии с этим первыми «менять лицо». С другой стороны, как зеркало общественного сознания советское обществоведение, привыкшее к стереотипам сталинской эпохи, не в состоянии было быстро переосмыслить происходившие перемены [1]. Сила привычных идеологических подходов давила на сознание официальных гуманитариев и вступала в противоречие с реальными политическими переменами. Это порождало растерянность и страх в среде идеологических работников, к которым принадлежали и ученые-обществоведы. Следует заметить также, что

советский социум середины 1950-х гг. был настроен не так оптимистично, как после Великой Отечественной войны. Место надежды сменило тревожное ожидание. Это состояние было характерно и для гуманитариев. В своей дневниковой записи 14 июня 1953 г. историк С.С. Дмитриев так выразил эмоциональное и умственное состояние общества: «Все тихо, и все в ожидании перемен, разрядов, новостей ...Странное, томящее ожидание. Понимание невозможности делать то, что делалось. Непонимание, что же следует делать ... Время любопытное. На распутье – лучше не выразить его сущности» [2, с. 150–151].

Анализ такого источника общественного сознания, каким является периодическая печать того времени, помогает более тонко уловить нюансы настроений в среде многочисленного клана советских идеологов, включая обществоведов. Несмотря на некоторое замешательство – ведь речь шла не о рядовом партийном вожде, а о *самом* Сталине, пропагандистские клише менялись по хорошо усвоенной еще во времена массовых репрессий технологии. Первое ее правило – исключить всякие упоминания о скомпрометированной персоне. В случае со Сталиным эта норма проявилась несколько иначе. Ссылки на Сталина в прессе сокращались постепенно. С 20 марта 1953 г. его имя стало реже встречаться в заголовках газет, хотя контекст упоминаний остался прежним, например «партия великого Сталина». Первые упоминания о культе личности в мартовских номерах журналов и газет не связывались с именем Сталина [16, с. 523].

Для обществоведов, привыкших получать очередную установку с верхних партийных этажей, настало время полного смятения. Одни продолжали ссылаться на работы Сталина и материалы XIX партийного съезда и требовать от студентов знания «Краткого курса». Наиболее чуткие к переменам политического курса представители обществоведческой элиты пытались смягчить солдафонский стиль идеологических проверок. Изучение стиля, формы, характера подачи материала в статьях теоретического органа партии – «Коммуниста» (так стал называться после XIX съезда журнал «Большевик») дает некоторое представление о состоянии умов обществоведов.

В 36 номерах журнала за 1953–1954 гг. было помещено не менее 30 материалов, непосредственно касавшихся общественных наук. Вторая книжка журнала за январь 1953 г. открывалась традиционной для сталинской эпохи передовой статьей «За воинствующий материализм в общественной науке». Эта публикация может быть взята за точку отсчета при выяснении характера изменений в сознании партийных обществоведов. В ней содержался полный комплект «воинствующего» сталинизма. Обращают на себя внимание привычный для сталинских идеологов агрессивно-площадной язык изложения, множественные ссылки на вождя, упоминания имени Ленина только в сталинском контексте. В основе содержания статьи лежит сталинский тезис об объективном характере законов исторического развития и

разоблачении «субъективистских идеалистических извращений марксистско-ленинской теории». Статья проникнута ненавистью к «врагам народа». К этим врагам отнесен автор «антимарксистской книжки» «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны», бывший председатель Госплана Советского Союза Н.А. Вознесенский, расстрелянный осенью 1950 г. Привычно прозвучали обвинения в адрес обществоведов. В частности, критика была направлена в адрес бывшего главного редактора журнала П. Федосеева и членов редколлегии М. Иовчука и Г. Александрова. Таким образом, продолжал действовать принцип круговой поруки, когда ученые связывались общей виной – не допустил ошибку, так допустит в будущем, поскольку абсолютная истина доступна только партии, символом которой выступала личность Сталина [8, с. 5–10].

Однако содержание журнала после марта 1953 г. начало незаметно, но неуклонно меняться. Редакционные установочные статьи стали несколько отходить от стилистических и содержательных «эталонов» 1940–1950-х гг., а вот авторские материалы, за исключением очень немногих, опирались на прежние догмы. Летом 1953 г. в редакционной статье «Народ – творец истории» о Сталине уже не говорилось ни слова [7]. Более того, в ней опосредованно упоминался культ личности, отмечались «отступления от марксизма-ленинизма в вопросе о роли личности в истории», что было чревато принижением роли Коммунистической партии и затуханием народной активности. От имени ЦК редакция сформулировала идеологический заказ работникам общественных наук, которые должны обосновать роль советского народа как творца социализма. В то же время ответственность за «сползание к культу личности» возлагалась не на политическое руководство, а на научных работников [7, с. 46–47]. Казалось, метод, когда виновниками за перегибы коллективизации и за неудачи выполнения государственных планов объявлялись конкретные исполнители и неумелые идеологи, был типично сталинским. Однако последующая интеллектуальная история советского общества показала, что этот обвиняющий принцип, когда ученые-обществоведы оказывались стрелочниками за все ошибки руководства, был неизменным для любого периода советской истории.

Уже в 1954 г. обнаруживается новаторский характер задач, которые ставило новое советское руководство перед обществознанием. Об этом свидетельствует передовая статья «Наука и жизнь» в одной из книжек «Коммуниста» за этот год. Среди этих задач названы изучение новых явлений советской действительности, актуализация тематики гуманитарных наук, разработка практических рекомендаций по строительству коммунизма, необходимость обращения обществоведов к конкретным научным исследованиям. Критикуя философов за подмену научного анализа иллюстрированием и комментированием классиков, авторы статьи обращали внимание на необходимость исследовательской работы в области

диалектики, логики, этики, эстетики, т.е. ранее практически запретных направлений [11, с. 6–8]. Печатный орган ЦК КПСС взял под защиту Н.В. Трубина, который позволил себе на страницах «Ботанического журнала» критиковать взгляды «корифея» советской агрономической науки Т.Д. Лысенко [11, с. 10].

Идеологам, воспитанным в сталинскую эпоху, было чрезвычайно трудно настроиться на новую волну, о чем свидетельствует публикация Ф.В. Константинова в одном из последних номеров «Коммуниста» за 1953 г. «Роль социалистической идеологии в развитии социалистического общества». В ней звучат прежние мотивы против космополитизма, буржуазного объективизма, идеализма, национализма. Автор говорит об «огромной роли Сталина» во всех наших делах. Сохранен презрительно-грубый язык при оценке работы коллег-обществоведов: «не одну пару брюк просидели над изучением марксистских книг, но бесполезно», «научные исследования – скучная жвачка» и т.п. Одиозность статьи не смягчается общими фразами об идеалистической теории культа личности [9, с. 56–58]. Диссонансом этой статье была публикация историка А.М. Панкратовой «Насущные вопросы советской исторической науки». Вся биография этого ученого свидетельствует об искренности ее коммунистических убеждений и одновременно о ее гуманности и порядочности. С учетом этого можно предположить, что академик Панкратова серьезно и с надеждой приняла заявления нового руководства страны об углублении и обновлении обществоведческих исследований. Язык статьи в большинстве случаев научно выдержан, текст свободен от вульгаризмов и брани. Автор обращает внимание на действительно слабые места в исторической науке, в частности на отсутствие исследований по истории советского периода [6, с. 56–58].

Кроме деклараций о новых рубежах в обществоведении, журнал при всей своей официозности приоткрывал возможности для развития новых научных направлений в гуманитаристике. В истории это были проблемы советского общества [4, с. 48–57] в экономической теории – идеи о предмете политической экономии [15], в философии – проблема личности в советском обществе [168], вопросы диалектики [169] и тема морали [14]. Появились публикации, в которых предварялись теоретические новации, сформулированные в материалах XX съезда КПСС [34]. Именно на страницах «Коммуниста» была высказана идея о выделении истории партии как самостоятельной дисциплины [23].

В то время журнал заложил традицию последующей советской периодики помещать материал по критике зарубежного (на языке тех лет – буржуазного) обществознания, который впоследствии сложится в самостоятельную рубрику [19; 21]. Заметки этого раздела писались по всем канонам классовой борьбы в стиле полной нетерпимости. Вместе с тем они невольно знакомили читателя с наличием новых зарубежных работ, с их тематикой и,

некоторым образом, с методологией. Так делались первые шаги в искусстве чтения между строк советских обществоведческих изданий. Например, в заметке Е. Тарле о зарубежных историках Второй мировой войны о книге Х. Арндт «Происхождение тоталитаризма» говорилось в крайне враждебном тоне. В то же время думающий читатель между строк этой рецензии мог прочесть истинную причину негативной оценки советским историком антифашистской работы: аналогии фашистского государства с СССР были слишком очевидны. Авторы другой рецензии на книгу эмигранта М.Т. Флоринского, широко применяя советские лексические штампы, вроде «маразм американской исторической науки», в то же время дали широкий очерк взглядов зарубежных исследователей советского общества.

До известного доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде любая новизна, любой идеологический поворот делался с оглядкой на массовое сознание, отравленное тотальным поклонением перед святостью и непогрешимостью вождя. Отказ от возвеличивания Сталина на первых порах осуществлялся под вывеской развития сталинского наследия. Сталин оставался символом марксистско-ленинской святости, а «Краткий курс» – символом веры. В 1954 г. были подготовлены две обширные статьи, посвященные Сталину. Одна из них – передовая [3], а другая – авторская [22]. В редакционной статье «За творческое изучение марксистско-ленинской теории» «Краткий курс» назван научной историей большевизма и энциклопедией основных знаний в области марксизма-ленинизма [11].

Вместе с тем материалы журнала продемонстрировали прежние методы «исправления» истории. После того как в 8-м номере «Коммуниста» за 1953 г. было дано сообщение о разоблачении Берия в выражениях 1937 г.: «шпион, изверг, предатель Родины», его имя мгновенно исчезло со страниц издания, даже когда описывались события, непосредственно связанные с его действиями. По принципу оруэловского «министерства правды» вся печатная продукция СССР регулярно проверялась на предмет изъятия и исправления (!) согласно политической конъюнктуре.

Критика пропагандистской, учебной и научной работы обществоведов в это время ограничивалась стандартными эпитетами, популярными в последние годы правления Сталина: догматизм, начетничество, отрыв от жизни. Цинично звучат слова Сталина в 1950 г., менее чем через год после погрома генетиков и за год до репрессий против неугодных экономистов: «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики» [20].

Изучение журнальных текстов приводит к заключению, что для сути «новой» политики как до XX съезда партии, так во многом и после него была характерна неприкосновенность главных положений советской идеологии, разработанных в 1930–1940-е

гг. В той же редакционной статье «Наука и жизнь» наряду с призывом к обновлению обществоведения звучит предостережение от ревизии принципов марксистско-ленинской теории под предлогом борьбы с догматизмом [10, с. 9]. Жесткой критике подверглись те ученые-экономисты, которые с оптимизмом восприняли позицию Г.М. Маленкова о преимущественном развитии производства товаров народного потребления. Еще до официального осуждения данного курса в «Правде» [24], в январе 1955 г. в «Коммунисте» подвергалась критике публикация П. Мстиславского «Народное благословение» [15] за извращение сталинских принципов развития советской экономики, за путаницу в трактовке закона стоимости [10, с. 10]. Редакция журнала поддержала авторов рецензии, критикующих книгу М.В. Колчанова «Собственность в социалистическом обществе» в основном за то, что автор почти не вспоминает об основном экономическом законе социализма, сформулированном Сталиным [12; 18]. В материалах журнала за 1954 г. помещена критика взглядов Э. Бурджалова на Февральскую и Октябрьскую революции [10, с. 49].

Таким образом, через анализ текстов, структуры, форму издания можно проследить некоторые тенденции эволюции общественного сознания в определенный исторический период.

Список литературы

1. Булыгина Т.А. Из интеллектуальной жизни советского общества. Статья 2. Общественные науки, массовое и общественное сознание в послевоенные годы // Гуманитарные и юридические исследования. – 2014. – № 3.
2. Дневники С.С. Дмитриева... // Отечественная история. – 1999. – № 5.
3. И.В. Сталин — великий продолжатель дела Ленина // Коммунист. – 1954. – № 4.
4. Ким М., Голиков Г. Некоторые вопросы разработки истории советского общества // Коммунист. – 1954. – № 5.
5. Коммунист. – 1953. – № 13.
6. Коммунист. – 1953. – № 6.
7. Коммунист. – 1953. – № 12.
8. Коммунист. – 1953. – № 2.
9. Коммунист. – 1953. – № 13.
10. Коммунист. – 1954. — № 5.
11. Коммунист. – 1954. – № 14.
12. Кузнецов А., Соллертинская Е. Серьезные ошибки в книге о собственности // Коммунист. – 1953. — № 17.

13. Леонтьев А. О мирном сосуществовании двух систем // Коммунист. – 1954. – № 5.
14. Мстиславский П. Народное благосостояние // Новый мир. – 1953. – № 11.
15. Неустанно воспитывать советских людей в духе коммунистической морали // Коммунист. – 1954. – № 13.
16. Островитянов К. О предмете политической экономии // Коммунист. – 1954. – № 4.
17. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. Т. 2. / Авт. кол.: С. В. Кулешов и др. – М.: Терра, 1996. – 718 с.
18. Письмо М. Колганова и ответ редакции // Коммунист. – 1954. – № 8.
19. Рецензия на книгу М.Т. Флоринского «Русская история и ее интерпретаторы» // Коммунист. – 1954. – № 11.
20. Сталин И. Относительно марксизма в языкознании. К некоторым вопросам языкознания. – М.: Правда, 1950. – 32 с.
21. Тарле Е. Фальсификаторы истории — пособники поджигателей войны (Зарубежная историография 1946–1953 г.) // Коммунист. – 1954. – № 9.
22. Титаренко С. Верный ученик и великий продолжатель дела Ленина (к 75-летию Сталина) // Коммунист. – 1954. – № 18.
23. Хрустов Ф. История КПСС — марксизм-ленинизм в действии // Коммунист. – 1953. – № 14.
24. Шепилов Д.Т. Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма // Правда. – 1955. – 24 января.

Рецензенты:

Покотилова Т.Е., д.и.н., профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь;

Крючков И.В., д.и.н., профессор, декан факультета истории, философии и искусств Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.